

Особенности национальной паранойи

Ох, не сегодня все началось. Глубокомысленно-патриотическое «кругом враги» спокойн веку заменяло в любезном отечестве национальную идею и исправно служило самодержцам всея Руси для консолидации подотчетного населения. И чем больше покрошил правитель своих же соотечественников, чем чаще мельтешили у него «мальчишки кровавые в глазах», тем вездесущий враг из ночного кошмара представлялся опаснее, замыслы его — коварнее, а способы борьбы с ним требовались все более изощренные.

Как хотите, господа, но я бы учредила новую государственную награду: «За выдающиеся заслуги в спасении отечества от виртуальной угрозы». Присуждать ее полагалось бы видным государственным деятелям, особо преуспевшим в борьбе со всем, что шевелится.

Бескомпромиссная борьба нынешнего гаранта на этом поприще достойна войти в анналы истории родной страны. Зачистив Чечню по самый Дагестан, управившись в поте лица со свободной прессой, он не остановился на достигнутом и приступил к объединению нации против злейших своих врагов — тех, кому выстроенная им вертикаль не представляется шедевром геометрии.

Уж в чем-чем, а в отсутствии фантазии лубянского Эвклида не упрекнешь. Посудите сами: это сколько ж бессонных ночей надо провести в холодном поту, чтобы записать во враги народа столь разных по всем параметрам людей, как Ходорковский, нацболы и мусульмане! Впрочем, стоит только задаться вопросом «почему?», и ответ — тут как тут: торчат они все, как елки-палки, посреди ровно подстриженной политической лужайки. Ничего не поделаешь, профессиональное заболевание бывшего разведчика — мимикрия под асфальт. Помните, у Райкина: мамонты, дуры шестиэтажные, где? Вымерли. А клоп жил, живет и жить будет — почему? А не высовывается. Эти же, раз выделяются, значит, не такие и вести себя могут не так, восторга верноподданности не испытывают, что, конечно, есть крайняя степень экстремизма и для власти опасно чрезвычайно. Вывод — всем сидеть!

Про нацболов и Ходорковского и без меня уже писано-переписано, не буду повторять очевидное. А вот насчет мусульман, которые позволяют себе верить в Аллаха больше, чем в ВВП, упомянуть надо бы.

Я уже рассказывала о первых судах над теми, кого обвиняют в принадлежности к запрещенной исламской партии «Хизб ут-Тахрир» («Научи ФСБ богу молиться, или Сроки за глюки». «30 октября», № 53). Маленький нюанс: Верховный суд РФ запретил деятельность партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», видимо, пребывая, в полной уверенности, что раз партия — исламская, то и в названии ее приставка «аль-Ислами» должна присутствовать непременно. Однако же, ошибка вышла — никакого «аль-Ислами» ни в названии организации, созданной в 1953 г., ни в текстах, ею издаваемых, ни на ее интернет-сайте нет. А то, что хоть сколько-нибудь убедительные доказательства ее причастности к терроризму за эти полста лет отсутствуют, отмечает множество независимых экспертов, в т.ч. директор Центрально-азиатской программы ПЦ «Мемориал» В.А.Пономарев. Да и Human Rights Watch того же мнения.

Тем не менее, сажают российские суды хизбиев, как дачники — картошку в мае. Так и хочется спросить, на какой же это урожай рассчитывают наши «огородники» в синих мундирах и черных мантиях — неужто на искоренение религиозных взглядов в результате преследований их носителей? Так вроде бы, при поступлении на юрфаки экзамен по истории считается профилирующим, посему должны бы знать господа следователи и стряпчие всех рангов: сколько существует

человечество, столько готовность жертв пострадать за свою веру лишь привлекает к ней новых адептов. Получается, и тут — одни сплошные троечники?

Похоже, что так, и не только в области исторической. С логикой, как, впрочем, и с русским языком, у них не лучше, иначе вряд ли рождались бы на свет такие перлы:

«<...> являясь непримиримым сторонником распространения воинствующей идеологии “Партии исламского освобождения” (“Хизб ут-Тахрир аль-Ислами”), будучи официально уведомленным о том, что в отношении него следственным отделом УФСБ по Республике Татарстан возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч.1 ст. 205-1 УК РФ (“вовлечение в террористическую деятельность”. — Прим. Е.Р.), пришел в приемную УФСБ по РТ, расположенную по адресу: г. Казань, ул. Дзержинского, д.23, и выполняя рекомендации установленные пунктом 5 инструкции “Как вести себя в случае контакта со спецслужбами” о необходимости прямого противодействия деятельности правоохранительным органам членами данной террористической организации, передал в дежурную службу УФСБ РФ по РТ листовки с указанной выше прокламацией, открыто подтверждая намерения продолжать свою незаконную деятельность». (Читатель, не ищи безвозвратно утраченные знаки препинания и не придирайся к падежам — стиль, орфография и пунктуация оригинала тщательно воспроизведены. — Прим. Е.Р.).

Тут необходимо сообщить, что упомянутая прокламация - это обращение запрещенной партии к общественности, «террористическое» содержание которого способно привести в трепет любого-каждого: там сначала перечисляется, кто, где, когда арестован и привлечен к ответственности по подозрениям в причастности к «Хизб ут-Тахрир». Далее поясняется, что эта партия стремится к построению Халифата в исламских странах, при этом в методах своих не приемлет насилия, поэтому причисление ее к террористическим и связанный с этим запрет считает несправедливым. Заканчивается текст страшной угрозой — готовностью приверженцев означенной идеи умереть в любое время ради разъяснения людям своей веры. Все.

Читатель, вам это сильно мешает? Как по мне — и пусть себе разъясняют всем, кто их согласен слушать. Меня, честно говоря, не тянет — так ведь ни один из них и не навязывал мне своих взглядов, хоть и повидала я их несть числа в своих поездках по судам страны родной. По всей видимости, представления наших вождей и правоохранителей об устойчивости мировоззрения соплеменников не столь сильны — то ли они, опасаясь «тотальной исламизации населения», по привычке считают пластилином нас, то ли не больно уверены в твердости своих собственных убеждений. У кого они есть, разумеется, — хоть какие-нибудь, в том числе религиозные.

Как бы то ни было, защита сограждан от столь «опасного» соблазна происходит с применением всех художественных и выразительных средств.

В Казани, к примеру, трое подсудимых, чье обвинительное заключение процитировано выше, получили по 4 года 7 месяцев лагерей общего режима каждому.

53-летнего Марса Гаянова из башкирского г. Туймазы меньше чем за сутки так оприходовали в «пресс-камере»* СИЗО Уфы, что здоровый перед этим мужик стал хроником. Одного из своих «сокамерников», участвовавших в этой обработке, Марс Габдуллович** позднее увидел в коридоре СИЗО в милицейской форме. Сыновей его, Булата** и Салавата**, также задержанных по этому делу, бить не били — им просто и доходчиво объяснили, что будет с их матерью, женами и детьми, если парни откажутся «стучать» на единоверцев. И ведь почти не соврали: женщин на допросах пугали изнасилованием, за 7-летней дочкой Булата следили на

милицейской машине, когда она возвращалась из школы. После ставших постоянными визитов правоохранителей к Гаяновым домой девочку пришлось экстренно госпитализировать с диагнозом «снижение защитной функции организма на нервной почве».

Салавата, освобожденного в январе под подписку о невыезде, в мае взяли под стражу в зале суда по заявлению имама мечети г. Туймазы Рима Шаяхметова о давлении, которое на него, свидетеля по делу, якобы оказывают родственники подсудимых. А прихожане этой мечети рассказывали мне, что слышали, как он жаловался: «Вы бы и не то еще подписали. Меня ж заставляли!»

Кстати, о духовных наставниках: меня уже давно перестало удивлять, что повсеместно имамы выгоняют из мечетей тех, кто вступает с ними в теологические споры, а к особо настойчивым вызывают «религиоведов» в погонах МВД или ФСБ. Что ни говорите, а путь к вере у каждого свой.

Вот, к слову, недавно в Казани торжественно открылась новая, изумительной красоты, мечеть, выстроенная на территории Кремля. Говорят, самая большая в Европе. Об этом знаменательном для мусульман событии наши казанские знакомцы сообщили так:

«В день открытия мечети “Кул-Шариф” сотрудники УВД забрали около 25 мусульман. Забирали прямо у входа, снимали на камеру, заставляли читать текст — для того, чтобы записать голоса. Женщин уговаривали и угрожали им, чтобы они оговорили Хасанова Алмаза, что он ведет террористическую деятельность. Также забрали еще троих человек (фамилии их известны, но здесь не приводятся. — Е.Р.), первых двоих заставляли сказать на камеру, что они террористы, что они являются членами «Хизба», чтобы они сказали слова «теракт» и «минирование».

Вернемся, однако, в Уфу. Жена одного из обвиняемых** рассказывала, что ее мужа в «пресс-хате»* обещали «научить читать псалтырь». Такой метод обращения в православие, похоже, становится все более популярным у «миссионеров» из спецслужб: следователь по этому делу А.Н.Халиков — «важняк» из прокуратуры Башкортостана — утешал супругу другого своего «подопечного» примерно так: ну, посидит он маленько, бросит ислам, примет христианство. А что курить в тюрьме начал, так чего волноваться, и водку хлестать будет. Одним словом, «верну вам нормального мужика». Он же ей объяснял: «Я все понимаю, они же не преступники, не убийцы какие-нибудь. Это не я веду дело, оно — государственное». Этому, по ее словам, вторил и начальник отдела прокуратуры РБ по особо важным делам А.А.Касьянов: никто, мол, и не говорит, что они террористы, но ведь есть же решение Верховного суда...

Ни в Казани, ни в Уфе публику не пускали в залы судебных заседаний. Правда, так было только до приезда правозащитников из Москвы — при нас «держать и не пущать» все-таки постеснялись. А что заседания судов переносились на такие даты, которых наверняка не смогут дожждаться пришлые наблюдатели из «Гражданского содействия» и «Мемориала», так ведь это в первый раз — совпадение, во второй, как известно, — привычка, ну и так далее.

Зато в Верховном суде Башкортостана я присутствовала на спектакле, который хотелось бы считать устроенным в мою честь, да врожденная скромность не позволяет.

Представление называлось «Допрос по программе защиты свидетелей». Господа, представьте: вам сообщают, что в комнате, смежной с залом суда, находится свидетель обвинения, инкогнито которого необходимо соблюсти в целях его же безопасности, поэтому допрос будет происходить по двусторонней аудиосвязи. Эту самую аудиосвязь с полчаса не могут наладить целых три технических работника, квалификация и военно-спортивная выправка которых, хочешь не хочешь,

вызывают вопрос: не оперативные ли они по совместительству? Тем временем адвокатов подсудимых, как, впрочем, и меня, разъедает любопытство: действительно ли наш граф Монте-Кристо — один в той комнатке, нет ли там, рядом с ним, еще одного «технического работника», например из прокуратуры? Молчит судья, не дает ответа...

Наконец, звук есть, поехали. Начинает и лидирует гос. обвинитель:

— Свидетель, кого вы знаете из подсудимых?

— Салавата и Булата.

— Вам известны их фамилии?

— Нет.

— Чем занимались в Туймазах члены «Хизб ут-Тахрир»?

— Распространением ислама. Знакомились, а потом «толкали» свою идеологию.

— **Гаяновы** Салават и Булат этим занимались?

И так далее. После минут 15 этакое развлечение — команда «всем сидеть, будут выводить секретного свидетеля». И через зал, ведомое двумя «техработниками», вслепую шествует нечто щупленькое, с головы до пят накрытое балахоном модели «хим-дым от-кутюр». Самое же интересное, что смысл маскарада остался загадкой для всех, поскольку в итоге адвокаты оказались более чем удовлетворены показаниями человека-невидимки.

Нет, что ни говорите, господа, но полна чудес российская Фемида. Очередное свое достижение явила она в г. Тобольске, где в июне возобновился суд, отложенный еще в феврале. И сразу же, после предварительных слушаний, выяснилось, что проходить он будет в закрытом режиме. По словам одного из подсудимых, объяснение оказалось простеньким и незамысловатым: ну не может же дело о терроризме рассматриваться открыто! С этой выдающейся новацией в области судопроизводства выступила гос. обвинитель Юлия Злобина. Видимо, она так потрясла судью, что та сразу же закрыла заседание, не дав стороне защиты возможности возразить.

Отдельно восхищает дисциплина работников суда: за соблюдением режима секретности следили даже уборщицы, которые в течение двух с лишним часов вдвоем драили до корабельного блеска абсолютно чистый пол в пустом коридоре, где одиноко сидела я в ожидании вызова на допрос в качестве свидетеля защиты. На предложение передохнуть, так как на этом стерильном полу уже можно спокойно раскатывать тесто для пирогов, они присели на лавочку в метре от меня, посетовав на начальство, которое «ругается, если сидеть без дела». И мы уже втроем слушали отчетливо доносившиеся через плотно закрытую дверь зала утверждения судебного эксперта В.П.Викторова из Уральского государственного университета о том, что «Сибирь, как и вся Россия, — традиционно православные», и нельзя допустить их «тотальной исламизации». Мои соболезнования студентам г-на Викторова!

М-да, собственно, что ж это я — все о «Хизбе» да о хизбиях, будто нет кроме них среди мусульман российских никого больше, удостоенного внимания имитаторов борьбы с терроризмом. Вот, к примеру, с начала апреля УФСБ Татарстана раскручивает дело двух бывших узников Гуантанамо, <-> Тимура Ишмуратова и Равиля Гумарова, и примкнувшего к ним Фаниса Шайхутдинова, якобы устроивших взрыв бытового газопровода в г. Бугульме. Доказательная база по этому делу собиралась столь скрупулезно, что в письме матери Тимура о методах следствия есть такие слова:

«Я поняла, что бороться с этой системой невозможно и что Россия — это не правовое государство. Помощи ждать в таком государстве неоткуда. Кроме того, я

вынуждена отказаться от услуг адвоката (этого требовали от нее следователи. — Прим. Е.Р.). Так я поступаю потому, что не хочу и не смогу вынести, что моих сыновей вновь будут пытаться. Вероятно, и меня заставят шантажом и угрозами дать показания, что все, что я пишу вам сейчас — это неправда. И я это сделаю, т.к. невыносимо знать, что твоих детей, обвинив в том, чего они не совершали, еще и пытаются такими способами, от которых волосы встают дыбом и мороз по коже, и ты не раз просыпаешься ночью в холодном поту, увидев это во сне».

Истинная же вина обвиняемых, судя по всему, заключалась в том, что они делали продуктовые передачи для заключенных единоверцев из Бугульминского СИЗО. А что взрыв газопровода, при котором, кстати, никто не пострадал, многие жители городка считают технической аварией, т.к. перед этим их изрядно донимал запах газа, — это мелкая деталь, о которой и говорить-то неловко. Вот следствие и не говорит.

А чтобы, о чем не надо, не говорил никто вообще, в работе с прессой используются замечательно эффективные методы воспитания — такие, например, как в истории с тюменским независимым журналистом Алексеем Кунгуровым. Он, извольте видеть, не только взялся защищать одного из обвиняемых по Тобольскому делу, но еще вздумал баллотироваться в ямало-ненецкую думу. Лешка, наивная душа, полагал, что ему все это сойдет с рук. Ан нет — тут же на свет божий вытаскивается давно закрытое по причине недопустимости доказательств уголовное дело двухлетней давности о «хранении» гашиша, подброшенного ему за резкие публикации о махинациях городских властей г. Ноябрьска, и у Алексея берется подписка о невыезде из Тюмени. Смысл все этой суеты он расшифровал без особого труда:

«Осенью должны состояться выборы в городскую думу, которым в Ноябрьске придадут гораздо большее значение, нежели выборам в думу округа. По мнению тамошних властей, вероятность моего появления и участия в них в качестве кандидата или пиарщика равна 100%. Высока вероятность того, что я повлияю на исход голосования в пользу оппозиции. Поэтому местные власти решили создать мне трудности: мол, только появившись в Ноябрьске, мы тебя посадим. В случае моего участия в выборах в качестве кандидата имидж «наркоторговца» и статус подследственного может создать некоторые трудности».

Другая причина нелюбви ко мне со стороны прокуратуры может заключаться в том, что я участвую в качестве защитника по очень «неудобному» для тюменской прокуратуры делу о «Хизб ут-Тахрир» и действительно создаю проблемы, так как активно выношу сор из избы, предавая огласке подробности этого дела в СМИ. Насколько этого боится прокуратура, можно судить из того, что всем официальным тюменским СМИ строжайше запрещено освещать это дело иначе, чем со слов ФСБ и прокуратуры. Поскольку ко мне применена мера пресечения в виде подписки о невыезде, а суд состоится в Тобольске, то мое появление на процессе будет формальным поводом для заключения меня под стражу».

Читатель, согласись — расчет сколь тонкий, столь же точный. Ну просто чистые макареники — эти «воспитатели» прессы. Вот и Павел Люзаков уж больше полугода сидит в московском СИЗО, и похоже, последней каплей для того, чтобы устроить ему провокацию с пистолетом, были его резкие публикации на «Кавказ-центре» о деле Зары Муртазалиевой.

Сдается мне, господа, что из всего этого с очевидностью следует простой, как три копейки, вывод: власть боится. Она панически боится всех, кто не вписывается в ее убогую одномерную геометрию, и в страхе пытается загнать их за «колючку» — видимо, рассчитывает таким манером продержаться подольше на своем

вертикальном насесте. Ясное дело, ни черта у нее не выйдет, потому что кроме законов, внесенных из Кремля в его подсобный «цех холодной штамповки» на Охотном ряду, есть еще законы истории, которой наплевать на троечников — она их просто не учитывает как величину бесконечно малую.

Только вот один небезынтересный вопрос: скольким еще людям эти перепуганные троечники искалечат жизнь до того, как история выгонит их из класса?

* Пресс-камера, она же пресс-хата – тюремная камера, в которую помещают заключенного, когда от него требуется чего-либо добиться, например, нужных следствию показаний. Или просто «слопать» непослушного зека. Там его «прессуют» - бьют, насилуют, издеваются в меру своих сил и фантазии - прикормленные охраной (операми, следствием, и т.д.) заключенные, либо «наседки» – специально посаженные в камеру сотрудники правоохранительных органов.

** 4 августа в Уфе был вынесен приговор 9 подсудимым: так и не научившийся «читать псалтырь» Ринат Габдрахманов получил 8,5 лет строгого режима, Булат Гаянов – 7,5 строгого, его младший брат Салават – 5 строгого, их отец, Марс Габдуллович – 4,5 условно. Остальным пятерым – от 3,5 общего до 8 строгого. В общей сложности – 57 лет на всех.
Россия – щедрая душа!

Июль 2005 г.

«30 октября», №55